

Ожог у Чи Е оказался пустяковым: промыли, обработали, выписали мазь — и свободен. А вот Тун Хуайцину прописали две капельницы, так что застрять им пришлось надолго. Осень в этом году подкралась незаметно: вентилятор выключили, а двери клиники держали распахнутыми настежь, пропуская внутрь свежий, светлый воздух.

Маленький доктор Ван развалился в кресле с газетой. Время от времени он высовывал из-за развернутых полос любопытные глаза и странноватым, испытывающим взглядом уставлялся в спину Чи Е.

Чай, не лютая зима — капельницы греть без надобности. А тот ведь не поленился: отрыл где-то стеклянную бутылку, набрал теплой воды и заботливо подложил под трубку.

Тун Хуайцин лишь поднял голову и коротко улыбнулся:

— Спасибо.

Белозубый, румяный — красивый, чёрт побери.

— Не скучно? Может, телевизор включить?

— Да нет, нормально.

Чи Е замялся, не зная, что ответить, смущённо потёр лицо и присел на соседний стул. Хуайцин бросил взгляд на часы и обернулся к нему:

— Мне ещё долго. Если у тебя дела — иди, не сиди со мной.

— Не бери в голову, — вполне спокойно отозвался Чи Е. — Мне всё равно надо с Ван Хаем перетереть. Заодно и тебя подожду.

Газета в руках доктора оглушительно зашуршала. Ван Хай вылутился на него из-за страниц:

— Со мной?..

Закончить мысль ему не дали: сгребли за шею и уволокли в подсобку.

Пациентов сегодня почти не было, так что возле аптечного шкафа, среди всякого хлама, вполне можно было пошептаться. Ван Хай с трудом сбросил тяжёлую руку с плеч и принялся разминать затёкшую шею, ворча:

— Полегче! Сам, что ли, не знаешь, какая у тебя лапа?

— Ага, — буркнул Чи Е, даже не глянув на него, и припал к щели между шкафами.

Укладывать Хуайцина на кушетку из-за пары капельниц не стали. Он устроился прямо на стуле, подложив под поясницу подушку и укрывшись лёгким пледом. Удобно устроившись, Тун Хуайцин прикрыл глаза, будто собирался вдремнуть.

Плечи его опустились, поза стала естественной и расслабленной — ни следа той взвинченной натянутости, с какой он только переступил порог.

— Брат, — Ван Хай щелкнул пальцами у него перед носом, — ты делом говори. Зачем искал-то?

— Да так, — Чи Е неохотно оторвал взгляд от щели. — Поболтать хотел.

И тут же осекся, увидав, как лицо врача перекосила дикая паника.

— Ты чего? — недоуменно нахмурился Чи Е. — Будто призрака узрел.

Доктор отступил на пару шагов, но подсобка была крошечной, так что он просто впечатался спиной в стопку картонных коробок. Голос его звенящей струной ушел вверх:

— Ты... ты чего лыбишься?!

—... Я не лыблюсь, — Чи Е озадаченно провел ладонью по подбородку.

— Лыбишься!

«Что за чушь?»

Чи Е снова цапнул его за шиворот, притянул к себе и сдавленно прошипел над самым ухом:

— Да заткнись ты! Я всерьез спросить хочу.

Если без шуток, Ван Хай выучился в солидном медицинском институте. И пусть он не остался покорять крупные клиники в мегаполисе, а вернулся в родную глушь, специалист из него вышел отменный: хоть простуду лечить, хоть редкую хворь выхаживать — всё со всей совестью и на совесть.

Стало быть, и в таких... деликатных душевных смятениях он должен разбираться?

Притянуть-то Чи Е его притянул, а вот вымолвить ни слова не мог — языком будто к небу

прикипел. С чего вообще начинать?

Сказать, что он, мать его, западал на мужика? Что у него внутри всё переворачивается от одного взгляда этих чистых, прозрачных глаз? Что хочется беречь этого парня, смешить, забрать себе всю его боль и болезни? Что, стоит им встретиться взглядами, кровь кипятком бросается от ушей до самых кончиков пальцев, а сердце колотится так яростно, аж в груди ломит?

И ведь до смерти хочется его поцеловать.

Тогда, по пьяни, они лишь едва коснулись губ. Мало! Слишком мало — он даже толком ничего распробовать не успел, как всё кончилось.

Чи Е не был дремучим деревенщиной: в бульварных газетках уже проскакивали заметки о заграничных знаменитостях, открыто признающих в любви к своему полу. Да и в школьные годы до него долетали слухи о парнях, которые водились друг с другом слишком уж нежно. А однажды, когда они проезжали через деревенские поля, приятель со смешком ткнул пальцем в окно:

— Глянь, Братуха, вон пошел этот... эрмафродит!

Чи Е тогда не понял и лишь равнодушно вскинул брови, а парень охотно разжевал:

— Ну, мужебаба! Сам вроде с причиндалами, а спать тянет с мужиками!

Машина тогда пронеслась вдоль межи, цепляя длинные ветви кустарника. Чи Е мельком глянул в окно, уловив лишь силуэт уходящего человека.

Самый обыкновенный.

Ничем не отличался от них, «нормальных».

— Эй! Ты тут вообще? — окликнул его Ван Хай, тормоша за рукав.

Чи Е очнулся, стряхивая воспоминания, и взглянул на доктора тяжелым, притемненным взором.

— Да что с тобой происходит?! — всерьез забеспокоился Ван Хай. — Ходишь сам не свой. Не выспался? Или дома что случилось? Не томи, говори прямо, если какая беда!

Ему и впрямь становилось жутковато: Чи Е то оскалится невпопад, то суровеет на ровном

месте — явно с катушек съезжает.

Чи Е помешкал, тяжело вздохнул и с трудом выдавил:

— Ты... когда за своей ухлестывал, каково это было?

— За женкой-то моей?

Ван Хай призадумался, припоминая:

— Да как... На третьем курсе учились. Я ж каждый день под окнами её общаги торчал, чтобы на обед свести. Хоть ливень, хоть ураган — хрен меня с места сдвинешь. Глаза закрою — а перед ними только она одна...

Тут доктор осекся.

Его будто обухом по голове огрело. Всё туманное беспокойство мгновенно испарилось, уступив место оглушительному озарению. Он уставился на друга во все глаза:

— Твою мать... Ты влюбился!

Не веря собственным ушам, Ван Хай повторил с придыханием, не сводя с него взгляда.

Святые угодники! Сухой пенёк зацвел!

И точно: эти слова сработали как спусковой крючок. Чи Е моментально смутился, а его смуглая кожа заметно потемнела от прилива крови. Ван Хай готов был заложить свою стремительно редющую шевелюру: всё, сварился парень! По уши увяз в любовном омуте!

А он-то, дурак, раньше думал, будто у Чи Е с головой или организмом проблемы!

Настоящий чурбан! В любовных делах — полный дуб. Пока сверстники по подворотням миловались да тискались, этот пахал без продыху, разгребая семейную разруху. Тут уж не до девок. Но ведь потом-то житуха наладилась! Парню уже за двадцать перевалило, а он всё бобылем перебивался.

Да, рожа суровая, но ведь на каждый товар есть свой покупатель, мало ли девчонок, которым подавай эдаких brutальных мужиков?

А Чи Е все равно оставался один.

Как верный друг и врачеватель, Ван Хай втайне побаивался: а вдруг у кореша какая деликатная несостыковка? Выглядит-то ого-го — косая сажень в плечах, мускулы буграми, да только внешность бывает обманчива. Если врожденный изъян — тут уж ничего не поделаешь, а если приобретенный — так нечего стыдиться, надо врачевать!

Забрасывал удочки, намекал, да Чи Е лишь отмахивался.

А всё потому, что тот попросту не понимал намеков! От мужицких пошлых шуточек и сальных анекдотов его подспудно воротило.

На вид-то Старший брат был неотёсанным медведем, а на деле — чистоплотным до немоты. И в быту, и в мыслях у него водилась этакая брезгливая аккуратность, никак не вяжущаяся с суровой наружностью.

Позже, во время совместного похода в горячие источники, Ван Хай украдкой оглядел его гигантские габариты и с тоской приуныл.

Видно, такова уж мужская натура: жалко, когда у друга всё плохо, но завидно, когда у него «богатырское добро».

Так что доктор даже слегка затаил досаду: имея такие сногшибательные данные, парить мозг и годами жить монахом — да это же просто преступление перед человечеством!

В конце концов Ван Хай плюнул на это дело. Махнул рукой: да и леший с тобой, живи как знаешь! Созреешь — женишься, и вот тогда твоей благоверной можно будет только посочувствовать... или позавидовать.

У Чи Е перехватило горло. Взгляд заскользил по стенам, и он — едва заметно, едва уловимо — качнул головой.

Признался.

Не стал отнекиваться, не стал превращать всё в шутку или орать на опешившего друга. Просто сдержанно кивнул, и кончики его ушей вспыхнули пунцовым пламенем.

Ван Хай мысленно отдал ему должные почести: «Мужик! Настоящий мужик — прямолинейный и честный!»

— Так а чего киснуть-то?! — расплылся в улыбке доктор. — Когда привезешь знакомить?

Чи Е мнительно помялся:

— Да я... я еще и приступать не начал...

Ван Хай выпал в осадок во второй раз.

— Твою же дивизию, ты чего струсил-то?! — всплеснул он руками и снова сгреб его за шею. — В таких делах промедлишь — и всё! Вдруг она красавица расписная, нарасхват? Перехватят ухажеры — локти кусать будешь! Я-то думал, вы уже крутите или ты ее охапками роз заваливаешь, а ты, оказывается, только сидишь и слюни в кулак пускаешь?!

— Да я не знаю... — тихо буркнул Чи Е.

— Чего ты не знаешь?! — распалялся доктор. — Выкладывай, чей табор, чья девица? Намотай на ус: цветы, подарки, совместные прогулки, киношки! Чувства — они, брат, как чайник, постепенно закипают!

— Но... — снова подал голос Чи Е.

— Какое еще «но»?!

Ван Хай закатал рукава, готовый хоть в колокола бить от радости: у его бро наконец-то сердце оттаяло! Теперь доктор костью ляжет, но поможет корешу зацапать кралю!

—... Я не умею, — почти шёпотом повторил Чи Е.

Эдакая махина! Ван Хаю, чтобы в глаза ему заглянуть, приходилось на цыпочки вставать. Все привыкли видеть в Чи Е несокрушимую скалу, надежного и невозмутимого Старшего брата, за которым — как за каменной стеной, хоть небо на землю упади.

И этот гигант сейчас стоял, виновато опустив голову, и беспомощно сознавался: «Не умею».

У Ван Хая на миг перехватило дыхание.

Внутри врача неожиданно проснулось нечто вроде материнской нежности.

Ему стало искренне жаль парня, и язык больше не поворачивался над ним подшучивать.

— Да ладно тебе, все поначалу неуклюжие, — принялся утешать его доктор, усиленно работая мозгами. — Главное — действовать умом. Не липни как банный лист, не докучай... Тебе физиономию надо помягче делать, а то у тебя вид такой, будто ты убивать шел. Почаще улыбайся, не пугай народ.

Чи Е поджал губы и промолчал.

— Посмотри мелодрамы какие-нибудь, тайваньские или корейские, — вдохновенно продолжал Ван Хай. — Глянь, как там ухаживают, учись делать сюрпризы, романтику наводить.

В этом присутствовало зерно истины.

— Надо сходить за дисками, — задумался Чи Е. — Вдвоем посмотрим... Настроимся на нужный лад, а?

— Зачем покупать? — махнул рукой Ван Хай. — Помнишь нашего одноклассника? Он же заядлый киноман, у него этих дисков дома — пруд пруди!

— Не надо, сам справлюсь, — качнул головой Чи Е.

Стеснялся, смутян.

Он еще даже ухаживать не начал, а уже растрезвонит друзьям на весь уезд?

Они еще с полчаса шушукались в уголке, пока снаружи не раздался тихий кашель. Чи Е как обухом огрело: чёрт, у Тун Хуайцина же капельница!

Говорили они шепотом, так что слышать тот ничего не мог... ведь так?

Тун Хуайцин и вправду ничего не слышал.

Укутав ноги мягким пледом, он с удовольствием потянулся. Обычно людей клонит в сон весной, а его почему-то разморило в золотую осень. Иглы в тыльной стороне ладони он почти не чувствовал; свежий ветерок, доносивший сладковатый аромат османтуса, ласкал лицо, и Хуайцин незаметно погрузился в дрему.

Чи Е все равно был занят разговором с врачом, так что спешить было абсолютно некуда.

Когда процедура окончилась и иглу вытащили, Тун Хуайцин поднялся, прижимая ватный шарик к венке. Ноги затекли, поэтому шагал он медленно, неторопливо.

На улице уже смеркалось, приближался конец рабочего дня. Городок оживал: домохозяйки спешили с рынка с полными сумками, родители забирали детей из школ. Над крышами поднимались сизые дымки печных труб, в окнах зажигался теплый уютный свет.

Они брели не спеша, наслаждаясь тишиной.

Чи Е не торопил его, молча подстраиваясь под его шаг.

Их обгоняли не только спешащие к ужину прохожие, но даже хроменькая собачонка. Хозяин песика шёл следом, ободряюще хлопая в ладоши, а заметив взгляд Хуайцина, виновато улыбнулся:

— Попал бедняга под машину, едва оклемался. Стеснительный ужасно — считает, что хромает некрасиво, вот и приходится заставлять, чтобы хоть пару шагов прошел!

Услышав это, Чи Е с абсолютно серьезной миной присел на корточки и басом выдал:

— Давай, брат, нажимай! Вперед!

Песик, уже собравшийся повернуть назад, увидел перед собой эдакую верзилу, испуганно тьякнул, запутался в собственных лапах и комично зарылся носом в пыль.

Тун Хуайцин хохотал до слез, схватившись за живот.

Чи Е лишь досадно крякнул.

В школе у ребят шли репетиции к празднованию Дня образования КНР, поэтому уроки затянулись. Доведя Хуайцина до дома, Чи Е помялся у порога и буркнул:

— Ты приляг, отдохни. Мне надо отлучиться ненадолго.

— Угу, — не заподозрив неладного, кивнул Тун Хуайцин. — Я буду ждать тебя.

«Ждать тебя».

Какое же невероятно, сказочно теплое словосочетание.

Оно означало, что у него есть дом... и в этом доме его ждут.

Чи Е шагал по улице, и довольная ухмылка не сходила с его лица.

Даже прохладный вечерний ветер казался ласковым: ветви прибрежных ив едва касались щек, а внутри, в самой глубине груди, сладостно щекотало.

Впрочем, расслабляться было рано — следовало поторопиться.

К друзьям идти было стыдно, поэтому он покатил на мотоцикле к привокзальной площади — там кипела торговля и ютилась куча мелких ларьков, где можно было достать любые диски.

Остановив байк у крыльца, Чи Е нырнул в первый попавшийся ларек. Пестрые обложки рябили в глазах. Продавец уже набрал воздуха в грудь, чтобы предложить ассортимент, как вдруг сзади раздался вопль:

— Старший брат!

Надо же, знакомое рыло — Чай Дая.

А за ним — целая кавалькада разношерстной шпаны с шевелюрами всех цветов радуги.

Сын того самого старого Чай, что служил в крематории. Наглый отморозок ежедневно таскал с собой оглушительную колонку и устраивал полуночные гонки, докучая всему району.

Зашли, видать, за пополнением коллекции.

— Старшой! — с фальшивым восторгом подскочил Чай Дая. — Вы за киношками пришли? Что ищете?

— Да так, мимо проходил, — с непроницаемой миной отрезал Чи Е.

Развернулся и шагнул к выходу, не обращая внимания на гомонящую ораву.

Слава богу, не успел ничего схватить.

А то век бы не отмылся!

Суровому авторитету полагается смотреть боевики про триады и разборки в казино, а не девчачьи сопли в розовых рюшечках.

«Ладно, считаю, что зря съездил».

Чи Е шагал по переулку, как вдруг почувствовал на себе чей-то липкий, пристальный взгляд.

У Чи Е на такие вещи было звериное чутье. Он остановился и хладнокровно уставился на незнакомца.

И точно: какой-то подозрительный тип в длинном плаще, воровато озираясь, бочком семенил к

нему. Наряд смотрелся странно — балахон едва не подметал землю.

Поравнявшись с Чи Е, мужик вдруг...

Резким движением распахнул полы плаща!

Мать честная, да там внутри целая витрина!

— Браток, фильмец не нужен? — змеиным шепотом спросил торгаш. — Гонконг, Тайвань, Голливуд — всё, что душе угодно.

— Про любовь есть? — ляпнул Чи Е, не подумав.

Фарцовщик расплылся в двусмысленной ухмылке:

— Да у меня тут, братан, исключительно про любовь!

Спустя две минуты Чи Е уже застегивал шлем и мчался домой на полной скорости.

Лихорадочная нервозность торговца передалась и ему: он расплатился как вор, сунувший добычу в карман, даже не взглянув на названия. Диски были плотно запечатаны в непрозрачную пленку, лишь сквозь щель мелькнул край алого платья.

«Да нормально всё должно быть».

В искусстве Чи Е разбирался как свинья в апельсинах, так что довериться «знатоку» казалось разумным решением.

Много времени поездка не заняла. Вернувшись, он застал Хуайцина во дворе: тот сидел на скамейке и травинкой подталкивал улитку.

— Вернулся?

— Ага.

С каменной физиономией Чи Е миновал двор, вымыл руки и прошмыгнул в спальню. А сердце в груди колотилось как сумасшедшее.

Диски покоились во внутреннем кармане куртки. Он планировал сперва изучить всё сам, чтобы отсеять скучные фильмы — не дай бог, Тун Хуайцину не понравится.

Комната погрузилась в золотистый полумрак заката. Не зажигая света, Чи Е присел на край кровати, достал заветные коробочки и сорвал пленку.

В спальне воцарилась звонкая тишина.

Чи Е онемел.

Словно в дурном сне, он сорвал обертку с остальных.

И его накрыл шок.

Бог с ними, с безумными позами на картинках, но сами названия крупным жирным шрифтом обухом били по мозгам:

«Подстилка из плоти: Удивительные любовные истории», «Соперничество трёх красавиц», «Запретная страсть двух драконов», «Прелестные маленькие враги».

В горле пересохло, он даже забыл, как дышать.

Не видал Старший брат таких «высоких искусств»!

И тут снаружи донесся голос Тун Хуайцина:

— Кстати, а почему Яньянь и остальные до сих пор...

Чи Е в панике сгреб одеяло и махом накрыл срамные обложки. Но укрыть всё не успел — наметанный глаз Хуайцина мгновенно выхватил угол сочной картинки.

Со стороны это выглядело исчерпывающе:

В полумраке спальни пунцовый Чи Е с безумными глазами восседает на кровати, судорожно прикрывая одеялом свой пах... и кучку срамных вещей, призванных дарить уединенное наслаждение.

— Ты... ты почему без стука?! — заикаясь и дрожа голосом, гаркнул Чи Е.

— Так у тебя же открыто, — развел руками Хуайцин.

И ведь верно: Чи Е просто хотел спрятать покупки, помыслы его были чисты как день, с чего бы ему запираяться?

Ситуация выходила неловкая. Тун Хуайцин деликатно прокашлялся, решив проявить максимум чуткости.

Пусть на дворе и не глухая ночь, но Чи Е у себя дома, и если у мужика приспичило — его личное право. Подумаешь, замок не защелкнул, дело житейское, в его-то годы гормоны бурлят будь здоров.

— Всё в порядке, — улыбнулся Хуайцин, отступая к двери. — Я вспомнил, у ребят же праздник... Заработался, забыл совсем, ха-ха. Ты... продолжай, продолжай.

— Да подожди ты! Слушай... — Чи Е беспомощно вытянул руку.

Но Тун Хуайцин уже мягко прикрыл за собой дверь.

Предупредительный какой, чтоб его!

Чи Е со всей силы зажмурился и содрал с лица остатки стыда. Сбросив одеяло, он сгреб всю похабщину, зашвырнул в мусорное ведро, завязал пакет мертвым узлом и, переведя дух, шагнул во двор.

Тун Хуайцин, проголодавшись, устроился в гостиной и уплетал свежий инжир.

Увидев хозяина, он ненароком обронил:

— А ты быстро.

Он, в общем-то, ничего такого не имел в виду. Просто подумал, что ужин задержится и Чи Е будет долго сбрасывать напряжение, а тот выскочил буквально через две минуты.

Весь красный, да еще и с мусорным пакетом в руках.

Чи Е лишь глухо хмыкнул и промаршировал к выходу — выкидывать срам.

Хуайцин продолжил смаковать сочный сладкий плод.

Не прошло и полуминуты, как Чи Е ураганом влетел обратно. Дышал он тяжело, а злосчастный пакет так и болтался у него в кулаке.

— Что значит «быстро»?! — рявкнул Чи Е.

Грудь его ходила ходуном:

— Я... я вовсе не быстро! У меня все нормально!

Голос гремел, дыхание сбилось — вид у него был свирепый до крайности.

Тун Хуайцин замер с недоеденным инжиром во рту, вымазав губы сладким соком, и растерянно похлопал ресницами:

— Ты о чём вообще?

Чи Е молчал, лишь буравил его обиженным, пылающим взглядом.

И выглядел при этом до того нелепо и уязвленно, что Тун Хуайцин тоже взвился.

Отложив ягоду, он поднялся на ноги, гордо вскинул подбородок и смерил верзилу гневным взглядом.

Таков уж был характер Тун Хуайцина: на добро ответит добром, а на нажим встанет колом.

— Ты чего разразился?! Чего голос на меня повышаешь?

Былая спесь с Чи Е мгновенно слетела, голос съехал на виноватый шепот:

— Я не повышаю... Я просто хотел сказать... ну... не быстро у меня.

Но Тун Хуайцин продолжал испепелять его взглядом:

— Повышаешь! Орешь тут на меня!

—... Прости, — поджал губы грозный Старший брат.

<http://bllate.org/book/19966/1985895>